

ФУНКЦИИ СНОВ (СНОВИДЕНИЙ) В ПОЭТИКЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Жанна Вячеславовна Должикова

студентка бакалавриата ФГАОУ ВО СКФУ
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
dolzhikova-2000@mail.ru

Для цитирования: Должикова Ж. В. Функции снов (сновидений) в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. № 1 (6). С. 66–72. DOI: 10.31802/WI.2022.6.1.005

Аннотация

УДК 82.091

Общей тенденцией литературоведения последних лет является пересмотр ряда традиционных положений, касающихся поэтики Ф. М. Достоевского, чем обусловлен интерес к формам взаимодействия «реальной действительности» и «онейрических картин» в художественной системе писателя. Ранние произведения Достоевского осмысляются в качестве самостоятельного эстетического феномена. Ставятся вопросы о выявлении функций видений с учетом специфики их структуры, которой определяются как поэтические, так и онтологические особенности текстов. Основное внимание в статье уделяется рассмотрению функций представления онейрической действительности в романе «Бедные люди» Ф. М. Достоевского. В работе использовались следующие методы и исследовательские подходы: сравнительно-исторический, структурно-семиотический (Ю. М. Лотман), мифопоэтический, элементы психоанализа. Теоретическая значимость исследования заключается прежде всего в систематизации представлений об онейрическом мире в раннем творчестве Ф. М. Достоевского. Описанная классификация сцен видений, специфика их взаимосвязи с авторскими интенциями, могут быть использованы, наряду с другими положениями, в дальнейших исследованиях, посвящённых как творчеству писателя, так и типологизации «литературных видений» в целом.

Ключевые слова: онейрическая действительность, грёзы, сенситивный, прогностический, иллюстративно-психологический, Достоевский, роман, «Бедные люди», Макар Деушкин, сон, реальность.

The Functions of Dreams in the Poetics of F. M. Dostoevsky's Novel «Poor People»

Zhanna V. Dolzhikova

Student at the North Caucasus Federal University

1 Pushkin Street, 355017 Stavropol, Russia

dolzhikova-2000@mail.ru

For citation: Dolzhikova, Zhanna V. «The functions of dreams in the poetics of F. M. Dostoevsky's novel "Poor People"». *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (6), 2022, pp. 66–72 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2022.6.1.005

Abstract. The general trend of literary criticism in recent years is the revision of a number of traditional provisions concerning the poetics of F. M. Dostoevsky, which explains the interest in the forms of interaction between "actual reality" and "oneiric paintings" in the writer's artistic system. Dostoevsky's early works are interpreted as an independent aesthetic phenomenon. The question of identifying the functions of visions, taking into account the specifics of their structure, which determines both poetic and ontological features of texts. The article mainly considers the functions of representation of oneiric reality in the novel "Poor People" by F. M. Dostoevsky. The following methods and research approaches were used in the work: comparative-historical, structural-semiotic (Yu. M. Lotman), mythopoetic, elements of psychoanalysis. The theoretical significance of the research lies primarily in the systematization of ideas about the oneiric world in the early works of F. M. Dostoevsky. The described classification of scenes of visions, the specifics of their relationship with the author's intentions, can be used, along with other provisions, in further studies devoted to both the writer's work and the typologization of "literary visions" in general.

Keywords: oneiric reality, dreams, sensitive, prognostic, illustrative-psychological, Dostoevsky, novel, «Poor people», Makar Devushkin, dream, reality.

Литература, начиная с античности и заканчивая творениями современных авторов, насыщена описаниями снов и видений, выполняющих различные функции. Сны героев в художественных произведениях занимают особое место: через данный приём раскрывается внутренний мир героев, очень часто сны имеют символическое значение, «предсказывают» развитие сюжета; с помощью сна передаются внутренние переживания героев. Сон в художественной литературе — это особое единство содержания и его вербального оформления.

Интерес к психологии сновидения, стремление к её правдивому воспроизведению средствами художественного слова появляется вместе с формированием реализма как творческого метода. Честь открытия этой сферы психической деятельности человека как объекта художественного изображения в литературе — по крайней мере в русской литературе — принадлежит А. С. Пушкину. «Редкое произведение русской литературы обходится без сна»¹, — отмечает А. М. Ремизов. К приёму сновидения прибегали почти все крупные русские писатели: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. И. Гончаров, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и другие.

В 1954 г. вышла в свет книга А. М. Ремизова «Огонь вещей: Сны и предсонье», в которой автором выявлено своеобразие сновидений в творчестве Гоголя, Лермонтова, Пушкина, Тургенева, Достоевского. Эта книга является первой значительной работой, доказавшей важную роль сновидений в произведениях русских писателей. По мнению А. М. Ремизова, сновидение одновременно является и вместилищем памяти, которое охватывает и историю, и прапамять, и воображение: «В снах не только сегодняшнее — обрывки дневных впечатлений, недосказанное и недодуманное; в снах и вчерашнее — засевшие неизгладимо события жизни и самое важное: кровь, уводящая в пражизнь; но в снах и завтрашнее — что в непрерывном безначальном потоке жизни отмечается как будущее, и что открыто через чутьё зверям, а человеку предчувствием»². Сновидения, — отмечает исследователь, — это связующее звено между здешней, «привычной», действительностью и миром, «откуда появляется живая душа и куда уходит оттрудив свой срок»³. Ремизов относит сны к «особой действительности», «по-своему

1 Ремизов А. М. Огонь вещей: Сны и предсонье: Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский. Париж, 1954. С. 129.

2 Там же. С. 129.

3 Там же. С. 34.

закономерной, со своей последовательностью»⁴ называет её «второй, всегда трепетной и не “безответной” реальностью»⁵.

У Ф. М. Достоевского находят воплощение сюжетные сновидения, корни которых можно обнаружить в творчестве А. С. Пушкина. В произведениях последнего различаются три сюжетных сновидения, от которых расходятся три линии разработки и использования этих мотивов в последующей русской литературе: сон Татьяны (роман «Евгений Онегин»), сон Германна (повесть «Пиковая дама»), сон Гринёва (повесть «Капитанская дочка»). Для последнего более, чем для других перечисленных снов, характерна психологическая достоверность, которая проявляется, в том числе в краткости, смещении яви и фантазии в момент засыпания, резкой смене картин и образов, облегчении в момент пробуждения. Все перечисленные психологические особенности можно обнаружить и в сновидениях литературных героев Ф. М. Достоевского.

В произведениях Достоевского встречаются сны-предчувствия, сны-воспоминания, сны-разоблачения, пророческие сны, «философские» сны, «мнимые» сны.

В «Бедных людях» Достоевский не обращается к ситуации сна в той её «кризисной» вариации (термин М. М. Бахтина), характерной для его последующего творчества, когда становится возможным проникновение в глубины сознания и подсознания, скрытые в обычной жизни от самого человека. Однако же о своих снах герои романа пишут друг другу в письмах. И это всё сны тревожные, мучительные, которые не забываются после пробуждения. Это сны не о себе. Обратимся, например, к иносказательному размышлению Макара Девушкина о сапогах: «Там в каком-нибудь дымном углу, в конуре сырой какой-нибудь, которая, по нужде, за квартиру считается, мастеровой какой-нибудь от сна пробудился; а во сне то ему, примерно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера он подрезал нечаянно, как будто именно такая дрянь и должна человеку сниться! Ну да ведь он мастеровой, он сапожник: ему простительно всё об одном предмете думать. У него там дети пищат и жена голодная; и не одни сапожники встают иногда так, родная моя. Это бы и ничего, и писать бы об этом не стоило, но вот какое выходит тут обстоятельство, маточка: тут же, в этом же доме, этажом выше или ниже, в позлащённых палатах, и богатейшему лицу всё те же сапоги, может быть, ночью снились, то есть на другой манер сапоги, фасона другого, но всё-таки сапоги; ибо в смысле-то, здесь мною подразумеваемом, маточка, все мы, родная моя,

4 Ремизов А. М. Огонь вещей. С. 129.

5 Там же. С. 130.

выходим немного сапожники<...>И потому не от чего было в грош себя оценивать, испугавшись одного шума и грома!»⁶.

Следует заострить внимание на том, что Макар Девушкин размышляет именно о сапогах, о предмете обуви. В «Энциклопедии символов, знаков, эмблем» К. М. Королёва обувь рассматривается как «символ статуса, социального положения»⁷. Достоевский использует приём контраста и при описании того, как именно сняты сапоги мастеровому и богатому человеку, и при описании жилищных условий и материального положения того и другого: мастеровому снились сапоги, которые он «подрезал»; «богатейшему лицу» же, находящемуся в «позлащённых палатах», наоборот, сапоги снились «на другой манер», скорее всего, какие-то роскошные и дорогие.

Крупнейший западный биограф Ф. М. Достоевского Джозеф Франк в монографии «Between Religion and Rationality: Essays in Russian literature and culture» отмечает: «Devushkin's timid revolt against social injustice is embodied in his vision of an apartment house, on whose ground floor lives a poor shoemaker, whose only concern is the "boots" that he makes to feed his family <...> Such a plea for the wealthy to concern themselves with the plight of the less fortunate obviously has Christian overtones»⁸. Таким образом, исследователь отмечает, что в этом видении жилого дома, на первом этаже которого живёт бедный сапожник, чья единственная забота — сапоги, воплощён робкий бунт Девушкина против социальной несправедливости.

Переживания «мастерового» понятны Макару Девушкину, так как они перекликаются с его собственными обстоятельствами, описанными им в письме от «Сентября 9». Речь идёт о «страшном происшествии», которое произошло с героем. Переписывая «бумагу нужную, спешную», он «пропустил» «целую строчку» и был вызван для разбирательства к «его превосходительству»: «Я помертвел, оледенел, чувств лишился...»⁹. Макару Девушкину кажется, что он всё это предчувствовал: «Всё это заранее слышалось моему сердцу! Я даже *намедни во сне что-то видел подобное* (здесь и далее курсив наш. — Ж. Д.)»¹⁰.

6 Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 1. Л., 1989. С. 121.

7 Королёв К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. Мидгард, 2005. С. 393.

8 Frank Joseph. Between Religion and Rationality: Essays in Russian Literature and Culture. Princeton: Princeton University Press, 2010. P 17.

9 Достоевский Ф. М. Бедные люди // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15т. Т. 1. С. 124.

10 Там же. С. 124.

Мучительные сны не обходят и Вареньку. Один из таких снов она описывает в своих записках: «Я мучилась. Я не знаю — я не могу припомнить себе, — но какой-то *страшный сон*, какое-то *ужасное видение* посетило мою расстроенную голову в томительную минуту борьбы сна с бдением. Я проснулась в ужасе <...> воображение моё взволновано было *ужасным сном*; тоска сдавила моё сердце...»¹¹.

«Страшные», «ужасные» сны, о которых рассказывают Девушкин и Варенька, сны, которые сбываются наяву, свидетельствуют об их «расстроенном» здоровье, неустойчивом, тревожном душевном состоянии, неуверенности и страхе перед завтрашним днём. Данные сны можно классифицировать как пророческие.

В романе «Бедные люди» Ф. М. Достоевский использует и дрёму героев. Она необходима для того, чтобы приобщить их к чужим социальным проблемам («Как-то мне раз, вечером, случилось мимо их дверей пройти; на ту пору в доме стало что-то не по-обычному тихо; слышу всхлипывание, потом шёпот, потом опять всхлипывание, точно как будто плачут, да так тихо, так жалко, что у меня всё сердце надорвалось, и потом всю ночь мысль об этих бедняках меня не покидала, так что и заснуть не удалось хорошенько»¹²).

Достоевский также показал, что отсутствие у героев веры в устойчивость социального миропорядка и своего места в нём порождает обусловленное дневным сознанием состояние грёзы («Какой-то странный хаос стал возмущать всё существо моё. Но это духовное насилие не могло и не в силах было расстроить меня совершенно. Я была слишком мечтательна, и это спасло меня»¹³; «Но мне становится всегда тяжело после подобных мгновений. Я как-то слабею, моя мечтательность изнуряет меня, а здоровье моё и без того всё хуже и хуже становится»¹⁴).

Таким образом, в творчестве Ф. М. Достоевского сновидения достигли наивысшей внутренней целостности, скреплённые единой эмоциональной тональностью, и наивысшей внешней целостности, будучи узлами сюжета и предопределяя судьбы героев.

11 Достоевский Ф. М. Бедные люди // Указ. соч. С. 59.

12 Там же. С. 43.

13 Там же. С. 61.

14 Там же. С. 114.

Библиография

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 1–3. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989–1996.

Королёв К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. Мидгард, 2005.

Ремизов А. М. Огонь вещей: Сны и предсонье: Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский. Париж: Оплешник, 1954.

Frank Joseph. Between Religion and Rationality: Essays in Russian literature and culture. Princeton: Princeton University Press, 2010.